

С.А. Королевич (Беларусь, Брестский государственный университет)

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

В лингвистике нашего времени есть самостоятельная исследовательская область, обращенная к таким феноменам, как прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентное имя. Согласно Ю.Н. Караулову, прецедентными называют явления, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известные широкому окружению данной личности и, наконец, «такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216]. В отношении к художественному тексту явления прецедентности развиваются в тесной связи с интертекстуальностью, под которой понимается «соотнесенность одного текста с другими (в широком их понимании), определяющая его смысловую полноту и семантическую множественность» [3, с. 225]. В круг интертекстуальных элементов обязательно включаются прецедентные имена (ПИ).

Прецедентные имена необычайно активно используются в современной беллетристике. Будучи знаками не только языкового, но и когнитивного плана, они выступают хранилищем культурной информации, так как представляют собой своего рода «свернутый текст» [1, с. 45]. Включение ПИ в текст порождает образ в развитии, поэтому использование прецедентных имен и интертекстуальных элементов в текстах современной массовой литературы можно квалифицировать как специфический способ образной интерпретации действительности. Для коммерческой литературы этот способ привлекателен экономностью: за именем стоит готовый образ.

Использование ПИ в текстах современной беллетристики, на наш взгляд, информативно для характеристики каждого из аспектов текстовой деятельности – отражаемой действительности; адресанта текста, т.е. читателя; ресурсов языковой системы и языковой личности автора. Это предположение подтверждают прецедентные имена, функционирующие в текстах современного автора-беллетриста Т.В. Устиновой, публикуемой под рекламным слоганом «Первая среди лучших».

Т.В. Устинова соотносит свое творчество с массовой, а следовательно, с коммерческой литературой и поэтому использует ПИ необычайно широко и с разной функциональной нагрузкой. Прежде всего, она включает в свои тексты реальные антропонимы, широко известные в современном российском обществе. Это имена знаменитых политиков или популярных шоуменов, актеров, собратьев по перу (*Ельцин, Павел Астахов, Андрей Малахов, Олег Меньшиков, Фоменко, Донцова*), позволяющие локализовать

хронологические рамки описываемых событий, обеспечивающие узнаваемость времени, воссоздаваемого в тексте. Так, использование имени *Ельцин* в романе «Миф об идеальном мужчине» говорит об отнесенности его событий к концу 90-х гг. XX в. Для обеспечения пространственной локализации происходящего, его привязки к соответствующему лингвокультурному сообществу Устинова привлекает ПИ, известные каждому среднему представителю именно этого сообщества. Для России это имена знаменитых русских художников (*Илья Репин, Казимир Малевич*); музыкантов (*Ростропович, Вишневецкая*); скульпторов (*Эрнст Неизвестный*); писателей (*Фонвизин, Вениамин Каверин*); актеров (*Любовь Орлова, Пельтцер*); ученых (*Петр Капица, Ушинский*); сказочных персонажей (*царевна Несмеяна*); православных святых (*Святой Серафим*); литературных героев (князь *Мышкин, Мцыри*); исторических лиц (*Иван Третий, Суворов, Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина*). Для Украины – а она является местом событий в present «Саквояж со светлым будущим» – имена *Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, Михаила Грушевского, Городецкого*.

Использование в анализируемых текстах прецедентных имен для выражения пространственно-временных координат реконструируемой реальности обусловлено ориентацией автора на русскоязычных читателей, на их узнавание изображаемой реальности. Однако, вследствие процессов глобализации современной культуры, в текстах Устиновой преобладают иноязычные универсально-прецедентные имена, известные практически любому современному человеку независимо от национальной принадлежности. Это антропонимы из Библии (*Адам, Ева*), из мировых религий (*Тор*), из античной (*Архимед; Александр Македонский*) и всемирной истории (*Жанна д'Арк, Аль Капоне, Геринг, Гиммлер*); имена персонажей из произведений мировой классики (*Ромео, Джульетта, мадам Бовари, Санчо Панса, Том Сойер*), известных писателей (*Джон Голсуорси*), музыкантов (*Фрэнк Синатра, Майкл Джексон*), спортсменов (*Михаэль Шумахер, Ральф Шумахер*) и др. Каждый из носителей названных имен обычно воспринимается как эталон определенных характеристик. Например: *Маша Вепренцева в своего шефа была <...> тайно влюблена, и это было так же бессмысленно, как если бы она влюбилась в Михаэля Шумахера* [эталон недостижимости] [6, с. 11]; На *Аль Капоне* (эталон гангстера) *Анатолий Петрович все равно не тянул* [5, с. 264] и др.

Отбираемые Устиновой ПИ позволяют охарактеризовать адресантов ее текстов как читателей с умеренными интеллектуальными запросами. В этом плане показательным преимущественное использование имен, связанных с разными видами массовой культуры, главным образом с кино и анимацией. ПИ в текстах Устиновой чаще всего называют киногероев (*Терминатор, Маугли*) или популярных деятелей сферы киноискусства (*Арнольд*

*Шварценеггер, Леонардо ди Каприо, Том Хэнкс, Микки Рурк, Клаудиа Шиффер и др.), за именами которых стоят узнаваемые кинематографические образы. Вот характерный контекст: «Олег Петрович! – часто повторял Гена Березин, его водитель, – мне бы ваши возможности да ваши денежки, я бы выглядел, как **Микки Рурк!**». Олег Петрович всегда в таких случаях представлял себе Гену с набриолиненным пробором, в ботинках на босу ногу, пиджаке на голое тело и с гарденией в петлице» [7, с. 11] – образ персонажа Микки Рурка из фильма «Дикая орхидея».*

В аспекте ориентации на читателей с разной когнитивной базой примечательно использование нескольких ПИ для представления образа одного и того же персонажа. Рисуя в тексте романа «Колодец забытых желаний» портрет длинноволосого героя романтической наружности, Т. Устинова характеризует его с помощью разных ПИ, сравним: *Глаза у него горели, и волосы летели по ветру, как у **Мицыри** со старинной иллюстрации, – таким его видит Маша Вепренцева, тогда как ее сын «осведомлялся, почему тот такой лохматый, как **Маугли*** [6, с. 143].

Функционирование ПИ в текстах Т. Устиновой в определенной мере характеризует смену идеалов в общественном сознании. Это выражается в контекстных трансформациях оценочного ореола некоторых прецедентных имен в соответствии с ожиданиями современного читателя. Например, в наше время без должного пиетета воспринимаются имена многих героев прошлой войны. В тексте Устиновой «Пороки и их поклонники» «**Зоей Космодемьянской**», «**партизаном Лизой Чайкиной**» [5, с. 247] именуют бандита, не желающего рассказывать о своих «хозяевах». В другом романе один из персонажей, иронизируя над местной поэтессой, которая якобы торгует водкой, называет ее «**Тарас Шевченко и Леся Украинка в одном флаконе**» [6, с. 237]. Продуцирование негативных коннотаций ПИ в таких контекстах соответствует новому восприятию усвоенных в соответствии с советской идеологией фактов истории, отражает их переоценку, порой основанную на слухах и домыслах.

Прецедентные имена принадлежат к готовым образным ресурсам языковой системы, но в зависимости от авторских задач, от мастерства писателя в контексте могут актуализироваться разные смысловые компоненты ПИ. Например, в повести «Саквояж со светлым будущим» имя *Клаудиа Шиффер* служит характеристике внешности персонажа: *Вбежала Таня Табакова, похожая на **Клаудию Шиффер**, беловолосая, длинноногая и высокая* [6, с. 73]; в повести «Миф об идеальном мужчине» это имя используется в языковой игре: *Она была абсолютно уверена – парни, которые ходят за ней, <...> недоглядели. Перепутали. Приняли **Клавдию Ковалеву** за кого-то другого. За **Клаудию Шиффер**, например* [4, с. 58]. Кроме этого, прецедентные имена включаются в структуру сравне-

ний (*За стеной топало, гремело и орало так, словно туда ворвался боевой слон из войска Александра Македонского* [6, с. 74]); выступают в качестве идентифицирующих метафор (*Гольдин <...> – Сережкина тень. Верный оруженосец Санчо Панса* [4, с. 221]); служат речевой характеристике персонажей («манера говорить в духе <...> *Васисуалия Лоханкина*» свойственна *Лизавете Огус* [5, с. 110]). Наконец, прецедентные антропонимы показательны и для характеристики языковой личности самого автора. Как представитель жанра детектива, Устинова постоянно обращается к именам знаменитых детективов из текстов *Конан Дойля, Сименона и Агаты Кристи (Шерлок Холмс, доктор Ватсон, Эркюль Пуаро, Гастингс, Марпл)*.

Использование ПИ может характеризовать Т. Устинову как писателя-интеллектуала, если она использует имена, известные узкому, избранному кругу людей: *Блез Паскаль, Муций Сцевола, Рабле, Панург, Вундт, Тинто Брасс* и т.д. Функциональная нагрузка прецедентных имён в этом случае многообразнее и сложнее. Они могут не только играть текстообразующую роль, но и реализовать подтекстовые смыслы. Так или иначе раскрывая значение этих имен в контексте, Т.В. Устинова по-своему стремится просветить читателя, что говорит в пользу привлечения прецедентных имен в тексты массовой литературы.

Таким образом, прецедентное имя в текстах современной беллетристики служит и отражению действительности, и порождению текста, и привлечению читателя к сотворчеству, и утверждению творческой индивидуальности автора.

Литература

1. Бурвикова, Н.Д. Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема / Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костома-ров // Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 45–53.

2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Изд. 6-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.

3. Николина, Н.А. Филологический анализ текста / Н.А. Николина. – Учебное пособие для студ. высш. уч. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

4. Устинова, Т.В. Миф об идеальном мужчине: Роман / Т.В. Устинова. – М.: Эксмо, 2003. – 352 с.

5. Устинова, Т.В. Пороки и их поклонники: Роман / Т.В. Устинова. – М.: Эксмо, 2003. – 352 с.

6. Устинова, Т.В. Саквояж со светлым будущим: Роман / Т.В. Устинова. – М.: Эксмо, 2005. – 352 с.;

7. Устинова, Т.В. Колодец забытых желаний: Роман / Т.В. Устинова. – М.: Эксмо, 2007. – 352 с.